

Особого внимания заслуживает вопрос о сложных словах в истории языка, и прежде всего об их словообразовательном и функциональном статусе.

Значительное разнообразие словообразовательных моделей реализуется в виде словосложения и сращения и в виде конфикации. В современном словообразовании последняя рассматривается как конфикальный способ морфологического словопроизводства, но в древности конфикальный способ мог появиться в славянском языке и как результат калькирования. Для нас интересно подчеркнуть расхождение между словами «западно-» и «южнославянского типа», одинаково возможными в древнерусском языке. Например, древнейшие кальки на *не-* — *-ствие* (*несытьствие*) — определенно моравизмы, тогда как на *не-* — *-ство* (*несытьство*) — болгаризмы (Мопаг 1985: 297). Так же простые отглагольные существительные типа *сѣборъ*, *искусь* и пр. — моравизмы, а суффиксальные их соответствия (*сѣбрьание*, *искушение*) — болгаризмы (Ibid.: 19 ff). Как мы показали, дело не в происхождении соответствующих типов, а в том, что их модели были либо исконно присущи восточным славянам («моравизмы»), либо получены в результате культурного заимствования («болгаризмы»).

В дальнейшем речь пойдет только о той группе сложений, которые представляют собой собственно сложные слова, т. е., характеризуясь цельнооформленностью и структурной целостностью (основные признаки сложного слова), являются минимальными лексическими единицами.

Можно выделить три аспекта в изучении этой группы лексики: генетический (изучение истоков словосложения), морфологический (изучение взаимоотношения сложных слов и симплексов, соотносительности сложных слов друг с другом), словообразовательный (изучение образования сложных слов по моделям и типам).

Сложения (*composita*) присущи были древним индоевропейским языкам, в том числе древнегреческому и древнеславянскому. Они употреблялись для обозначения понятий из сферы материальной и (главным образом) духовной жизни — трудовой, социальной, философской, религиозной областей человеческой деятельности, — являясь весьма характерной особенностью лексической системы.

В историческую эпоху славянские языки создали много новых сложных слов, следуя сохранившимся индоевропейским моделям.

Генетическая разработка сложений, возникших на восточно-

славянской почве, значительно затруднена тем, что их сложно отличить от слов, созданных по старославянскому образцу: грани между старославянизмами и словами, образованными по той же модели древнерусскими книжниками, неясны, нечетки (Истрин 1930).

В этой ситуации наиболее перспективно изучение славянского материала в сопоставлении с греческим, поскольку многие типы сложений возникли именно под влиянием переводов с греческого, и семантические связи слов в контексте ясны. Справедливо оценивая материал переводных памятников как наиболее интересный для решения данного вопроса (сравнение перевода с оригиналом позволяет показать, каким образом происходила передача на русский язык греческого сложного слова, какие слова калькировались, а какие переводились иначе), Л. В. Вялкина установила, что в древнерусском языке XI—XIV вв. существовала своя модель сложного слова, и выявила ее взаимосвязь с греческой моделью (Вялкина 1966: 154—188).

Весьма показательный материал таких разножанровых памятников периода XI—XIV вв., как Хроника Георгия Амартола, Ефремовская Кормчая, Пчела, XIII Слов Григория Богослова,¹ дает наиболее характерные славяно-греческие соответствия:

а) русская калька греческого сложного слова — без замены мест компонентов, но также с изменением структуры *compositum*: εὐχαριστεῖν — *благодарствовать* (Амарт.), εὐνοεῖν — *добромыслити* (Пч.), εὐαγγελίζομαι — *благовѣствовать* (Кормч.); φρενοβλάβεια — (φρῆν 'душа, сердце', βλάβη 'вредить') — *врѣдоумие* (Амарт.); μισότεχνος — *чюдонавидѣнь* (там же), μισόγυος — *святотавидѣць* (там же); μισάνθρωπος — *человѣконенавидѣць* (Пч.), но ср.: μισάνθρωπία — *ненависточеловѣчье* (ГБ);

б) лексические и словообразовательные синонимы в составе *composita*: εὐεργετέω — *благодѣствовать, благосѣдѣлати* (ГБ); παρέρχεσθαι — *мимоити, мимоходити* (Амарт.); ἀγαθοποιέω — *добротворити* (Пч., Кормч.), *благотворити* (Пч., Амарт.); εὐλάβεια — *благобожань* (ГБ), *благобожанство* (Кормч.); ὑποκρίνομαι — *лицемѣрствовать* (там же), *лицемѣровати сѧ* (ГБ); σωφρονεῖν — *цѣломоудрити, цѣломоудровати, цѣломоудрствовать* (Пч.);

в) русское сложное слово на месте простого греческого: χάρισμα — *благодѣтие* (Амарт.); βλάβηρος — *доушегоубьный* (Пч.); ἀρετή — *благодѣяние, благооудбие* (там же), но и: *добрѣ нравѣ, нравѣ благѣ* (ГБ);

г) словосочетание на месте греческого сложного слова: εἰδωλόλατρεία — *коумиромѣ жьренье, слоужьба коумирьска, поклоняние коумирьско, но и капищетворение* (ГБ), *идоломѣ работати, идоломѣ слоужити* (Амарт.); θεοποιεῖν — *боготворити, но и бога нареци, боги сѣтворити, богомѣ творити* (там же); χειρο-

¹ Сюда может быть добавлен довольно значительный материал переводной агиографии, который также учтен при изучении вопроса.

ποίητος — *роукама сътворенъ* (ГБ), но и *роукотворьнъ* (Амарт.);

д) русское сложное слово на месте греческого словосочетания: το καλόν ἔξις — *добронравие* (ГБ); ὁ κατ' ἡμέραν — *вседневьнъ* (Амарт.); εἰς φρονῶι — *доброоумьнши* (Кормч.); καθέδρα λοιμῶν — *сѣдалогоубитель* (Амарт.); и др.

Характерно, что выявленные для древнерусского материала славяно-греческие соответствия отражают принципы древнерусского перевода, вполне соотносимые с принципами древнеславянского (кирилло-мефодиевского) перевода (Верещагин 1971).

Это означает, что традиция использования сложений при переводах с греческого давняя.

Материал в исчерпывающих по переводным текстам списках показывает, что в дальнейшем имело место творческое осмысление механизма древнеславянского перевода, стремление к наиболее точной передаче переводимого текста, но всегда с учетом возможностей переводящего языка. Деятельность переводчиков (даже связанных единством школы) характеризуется различной степенью свободы обращения с материалом, что обусловлено прежде всего уровнем их мастерства. Стремление славянского переводчика наиболее точно передать семантику греческого текста могло наталкиваться на известное «сопротивление» славянского языкового материала — речь идет о попытках передачи греческих грамматических структур на славянский только адекватными грамматическими структурами. С этим связана известная самостоятельность славянского переводчика в выборе средств для передачи греческих composita на родной язык, что как бы «вынуждало» славянских переводчиков к поискам и использованию возможных других средств для такой передачи. Отсюда (наряду с многочисленными кальками) нередкая в древнеславянских текстах передача греческих composita описательно, при помощи словосочетаний, стремление к перифразам.

Наиболее активно шло калькирование. Специальное исследование сложных слов в древнейшем переводе Евангелия показало, что подавляющее большинство древнеславянских сложных слов — все кальки греческого происхождения (около четверти из 290; все остальные греческие сложные слова переданы словосочетанием или суффиксально) (Молнар 1985: 300). Как бы широко ни понимать калькирование, древнерусский язык позже других славянских стал предпочитать кальки прямому заимствованию, причем большинство их — семантические, образованы метонимическим переносом (Ibid.: 50, 299).

Правда, часть composita-калек представляет собой искусственные образования уже в старославянском языке (Вайан 1952: 237). Нередко такие слова сохраняются в пределах только одного памятника (ср., напр.: *благодѣлтъвнъ* — εὐορχος (Амарт.), *богоисписанъ* — θεογράφος (там же), *оутробобасньникъ* — ἐγχαστρίμνος (Кормч.), *скоросѣльникъ* — ταχυδρόμος (там же) и др.) или у одного автора. В последнем случае мож-

но говорить об авторской манере, стиле писателя. Однако если у лучших древнерусских авторов, таких, как Кирилл Туровский, эти индивидуальные образования — всегда отражение гармоничного взаимодействия калькированных структур с исконно русским материалом, то в дальнейшем семантическая гармония нередко нарушается; характерный пример — произведения агнографии XV—XVI вв.; здесь уже много штампов.

В древнерусский период, и особенно с XII в., активно развивается калькирование греческих слов — составление славянских слов по известным греческим образцам, но с использованием русских словообразовательных средств (ср.: Флав., Амарт., Усп. сб.). Это обстоятельство позволяет объяснить, как шло заимствование и оформление модели сложного слова на русской почве. Здесь важно наблюдение, согласно которому в древнерусском «заимствуется не модель, а отдельные слова, образованные по какой-то модели. Закрепление в языке большого количества слов, имеющих одинаковую структуру, дало возможность выделить структурные типы. Сначала это были структурные типы только заимствованных слов, но позднее по этому образцу стали образовываться исконно русские слова, не являющиеся кальками. Теперь можно говорить о заимствовании модели в целом» (Вялкина 1966: 188).

Еще раз подчеркнем: калькировались не слова как словарные лексические единицы, но слова в определенном контексте, так что в составе любой конкретной формулы оставалось лишь одно из возможных значений греческого слова, что впоследствии путем столкновения других со-значений того же славянского слова, но в составе других формул приводило к развитию переносных и вообще новых значений. Отсюда такое обилие окказионализмов, так или иначе отражающих потенциальное значение славянского слова в его конфронтации с семантикой греческого эквивалента. С. П. Обнорский (1960: 111—113) на материале контекстных калек в договорах русских с греками X в. показал такое соотношение синкретически многозначных славянских слов с однозначностью греческих: *купля* 'предмет торга', греч. *πραγματεία*; *глава* 'раздел' — *κεφαλή*; *извѣщение* в сочетании *извѣстити любовь* 'мирный договор', ср. *ἀγάπη*; *искусь* 'истязание; пытка' — *πέτρα*; *равно* 'список' — *ἴσον*; *наша свѣтлость* — *κελιφάνεια*; ; (эпитет князей) *свѣтлыи* — *λαμπρότατος*; суффиксальные образования типа *свѣщание* 'договор' — *συμβόλαιον*; *удержание* — *ἐποχή* и пр. Особенно много таких примеров у слов, выражающих признак — у прилагательных, а также в сочетаниях, которые по славянским моделям передаются еще не сложным словом, а глагольным сочетанием типа *право судити*, *сотворити мир* и пр. Чем древнее формула текста, тем шире глагольные сочетания, а не сложные слова номинативно-статичного характера. И, как это мы уже не раз отмечали, тем менее они связаны с греческими оригиналами, переведенными у

южных славян. Обычно это кальки с латинского или готского (в переводе Евангелия Вульфила) и связаны с западнославянской традицией (см. *миръ имѣти, хвалу въздати, прѣлюбы творити, предати главу* и пр. (Molnár 1985)).

Нет сомнения в том, что в период XI—XIV вв. в древнерусском языке модель сложного слова была уже не только живой, но и продуктивной категорией языка.

Ряд заимствований из греческого как таковые (на семантическом и на словообразовательном уровне) уже не воспринимаются. Это означает, что данные структуры вполне усвоены русским языком, как бы «ассимилировались» им. Такие книжные образования органично входят в древнерусский текст, причем на фоне других заимствований, адаптировавшихся ранее, их стилистическая маркировка «стирается». Ср., например: *..оубиша изосимоу престоупника. то бѣ мнихъ образомъ. точю сотонѣ съсоудъ. бѣ бо пыаница. и стоудословъць. празнословъць и кощюньникъ. конечное же отверже сѣ Христа и бысть бесоурменинъ* (Сузд. лет.).

Значительный материал памятников XI—XIV вв. показывает, что эти модели не только активно функционировали в книжном языке, но и были свойственны деловому, разговорно-бытовому языку данного периода: *многомилостивъныи, вседѣржителевъ* (Сказ. о Бор. и Гл.), *боголюбивыи, благочътивыи, стратотърпъць* (Усп. сб.), *человѣколюбъць, благословенье* (Влад. Мономах), *многогрѣшныи, хр(с)толюбивыи* (Сузд. лет.), *полоунощныи, срамословье* (Лавр. лет.), *крѣстопрестоупникъ, кровопролитие* (Новг. лет.); *благословити* (Грамота 1300 г.), *благословление* (Грамота 1378 г.); Л. В. Вялкина отмечает в грамотах такие выразительные образования, как *земледѣржъць, простоволосыи, коуноѣмъца* и др. (Вялкина 1966: 155, 162).

Основные типы древнерусских сложных слов в литературе вопроса разработаны и описаны довольно хорошо, так как большая часть исследований по древнерусскому словосложению была ориентирована именно на морфемно-структурный анализ.

Схематически модель сложного слова можно представить следующим образом ² (ср.: Вялкина 1966; 1974 и др.):

1) для сложений с соединительным гласным:

$[A + o/e + (B + S)] + n$ — *благодать* (Амарт., КТур), *зѣлодѣйство, добродѣтель* (КТур, Выг. сб.), *благоволение, доушегибѣльнъ* (Амарт.), *любомоудрие, тѣщеславие, нищелюбъць; вседѣржитель* (КТур) и т. д.;

2) для сращения с падежной формой в первой части:

$[Am + (B + S)] + n$ — *крѣстаобразно, грѣхападание* (Выг. сб.),

² А и В — соответственно первая и вторая корневые морфемы, S — суффикс, т — падежная флексия первой основы, n — окончание сложного слова.

законодавецъ (КТур), но ср.: законодавць (там же), о(г)циюубитель (Усп. сб.) и т. д.;

3) для сращения с неизменяемым словом в первой части: [A+(B+S)]+п — *противоустати* (Амарт., Выг. сб.), *преженареченыи, оудобвьѣместимыи, вельѣпньѣ, присьнопамлтъньѣ* (Амарт.), *особьписаныи* (Кормч.), *соуѣмысльныи* (Выг. сб.) и т. д.

В тех немногих случаях, когда вторая основа не осложнена суффиксом, схемы могут выглядеть следующим образом:

1) (A+o/e+B)+п — *лицемѣръ, вододѣржа* (КТур) и т. д.;

2) (A+m+B)+п — *лѣжипослоухъ* (Выг. сб.) и т. д.;

3) (A+B)+п — *мимоходъ* (там же) и т. д.

Фактически в этих моделях реализуется все разнообразие славянских *composita*, хотя встречаются и нерегулярные образования.

Первый компонент сложения, как правило, равен корню (т. е. является корневой морфемой), но нередко осложняется префиксом: *прѣдобродѣтельньѣ, прѣвѣседѣивъньѣ, вѣзблагодѣть, немилосрѣдъ, бездвѣрьнооустъньѣ* (Амарт.), *нелицемѣръньѣ* (Усп. сб.), *прѣлюбодѣици* (Выг. сб., Усп. сб.), *нероукотвореныи* (Выг. сб., Усп. сб.), *нелицемѣрно* (КТур).

Реже в качестве первого компонента возможна падежная форма.

Второй компонент состоит из корня и суффикса, имеются немногочисленные примеры префиксации: *богоизбранныи* (КТур), *първонастольникъ, новооуоставленыи* (Выг. сб.), *добросѣтворение, богонечѣивъ, древленаречень, глоубокоразоумьньѣ, богоненавистьникъ* (Амарт.), *клатвопрестоупьникъ* (Кормч.).

Как исключение отметим *composita* с тремя корневыми морфемами: *любовеликодѣньникъ* — φιλέωτος (ГБ), *любнодобродѣтельньѣ, любознодобродѣтельникъ* — φιλόρετος, *многостраотръпцьѣ* — πολύτλις (Амарт.), *гноктъзоименитыи* — κοπρώνυμος (Выг. сб.), и некоторые другие, где вполне реализуются творческие установки переводчика при передаче греческого текста и демонстрируется уровень его мастерства, свобода владения материалом родного языка. Ср. для κοπρώνυμος варианты перевода в разных списках Амарт.: *тезомотыльньѣ* — Унд. (Истрин 1930: 110) и *гною тезоименникъ* (Срезневский. Т. III. С. 1077).

В качестве первого компонента обычно выступают основы существительных, прилагательных, местоимений, числительных, наречий, реже — глаголов (причем обычно с отрицанием). В качестве второго компонента могут выступать как именные, так и глагольные основы.

Одна из характерных особенностей сложных слов — повторяемость компонентов, особенно первого, по которому и производится классификация *composita*.

Весьма показателен уже сам перечень наиболее частотных компонентов в ряде древнерусских памятников. Приводим рас-

смотренный нами материал по первому компоненту сложения. Прежде всего это «ключевые» слова, необычайно значимые для идеологических основ древнеславянской культуры (лексемы расположены по убывающей частотности): *благо-*, *зло-*, *добро-*, *бого-*, *любо-* (Выг. сб.); *благо-*, *бого-*, *добро-*, *едино-*, *зло-*, *лже-*, *много-* (Амарт.); *благо-*, *бого-*, *велико-*, *добро-*, *зло-*, *много-* (Усп. сб.); *благо-*, *добро-*, *зло-* (Флав.); *бого-*, *благо-*, *добро-* (КТур); *благо-*, *бого-*, *едино-* (ПВЛ).

Характерно, что другие лексемы в качестве первых компонентов представлены меньшим количеством (зрѣхъ, доуша) или единичными словоупотреблениями: *само-*, *роуко-*, *троудо-*, *ино-*, *право-*, *цѣло-*, *звѣро-*, *нище-*, *вьсе-*, *высоко-*, *чоудо-*, *плодо-*, *крѣво-*, *брато-*, *тѣзо-* (тезо-), *тѣще-*, *хоудо-*, *свѣто-*, *законо-*, *звѣздо-*, *плѣто-*.

Преобладание первого компонента с незначительной (даже минимальной) частотностью в древнерусских текстах может быть связано со стилистической функцией сложных слов: «Являясь образным языковым средством, они придают речи оттенок торжественности, употребляются в качестве эпитетов и т. п. и поэтому, как правило, не повторяются» (Вялкина 1974: 168).

Для второго компонента сложения картина уже иная. Здесь варьируются различные лексемы (имеют место также грамматическое и словообразовательное варьирование), представленные обычно сравнительно небольшим количеством словоупотреблений: *-любьць*, *-любити*; *-дѣяти*, *-дѣianie*; *-вѣрие*, *-вѣрьный*; *-словие*; *-чѣстие*, *-чѣстивъ*; *-творьць*; *-именить*; *-образнь*; *-виднь*, и т. д.

Второй компонент играет в сложении основную роль, будучи семантическим ядром сложения. Входящий в состав *composita* формальный элемент (словообразовательный формант) всегда маркирует его грамматически.

Словообразовательные средства, используемые при образовании *composita*, те же, что и при образовании простых слов (Вялкина 1966: 156; 1974: 159; Николаев 1987: 31, 102 и др.).

Лексико-семантические отношения между компонентами сложного слова, учитывая их частеречную соотнесенность (первый компонент может иметь предметное, качественное или количественное значение, второй — предметное, качественное или значение действия), — чаще всего отношения зависимости; определяющим является практически всегда второй компонент. В то же время отмечен ряд сложений, где компоненты равноправны, не завися друг от друга, могут меняться местами: *любомудрие*, *любословьць*, *любочѣстивый* и т. п.

Соотношение первого и второго компонентов, их различная продуктивность, лексическая валентность и т. д. «отражают определенные особенности и основные тенденции в употреблении композит» (Цейтлин 1977: 193).

Вопрос о лексической наполняемости этих структурных ти-

пов, очевидно, следует рассматривать, исходя прежде всего из стилистической функции сложных слов; тут справедливо утверждение Г. А. Николаева о том, что «словообразование является одним из важнейших языковых факторов стилистической организации текста» (Николаев 1987: 111), подтверждающее именно функционирование *composita* в древнерусском языке.

Имеется достаточно показательный материал, демонстрирующий роль *composita* как образного языкового средства. Они используются с целью разнообразия языка и стиля изложения, для реализации богатых синонимических возможностей родного языка. Значительная семантическая нагрузка *composita* в древнерусском тексте делает их своего рода смысловым центром, организующим текст; кроме того, это еще и ключевые слова текста.

Динамика развития текстообразующих формул (синтагм) — предельных единиц текста, характеризующихся информативной насыщенностью: в них сходятся смысловые, формальные и образные признаки слова, — отражает исторические процессы в развитии древнерусского текста (Колесов 1989: 147, 136 и сл.).

При этом сложное слово — результат семантической и синтаксической компрессии — в роли гиперонима обогащается новыми смыслами, становится многозначным, «поскольку оно соответствует нескольким равнозначным сочетаниям или включает в свое значение семантику нескольких слов» (там же: 237).

Поскажем на некоторых примерах (приводится материал разножанровых переводных и оригинальных древнерусских памятников XI—XIV вв.) возможности *composita* в сфере преобразования формул в тексте.

СВѢТОЗАРЬНЫЙ. — б̄л̄н̄н̄ моужь бо̄ан̄ с̄м̄ б̄а̄ в̄ь заповѣдх̄ его в̄схоцетъ з̄ло. силно на земли боудеть с̄м̄ ѿ его. . ис того бо корене в̄ь сӣга ста издр̄а дн̄н̄ дѣв̄ь л̄ѣторасли. *свѣтозарьнѣ*. б̄л̄сн̄н̄ плодъ на себѣ нос̄ща. житӣе же непорочно от оуности имоуща. ти б̄о зар̄ньн̄м̄ свѣт̄м̄ оума просвѣщ̄ си. съсоудъ избран̄ ст̄моу дхоу и т̄м̄ свѣт̄ с̄м̄ в̄ьс̄м̄ оученик̄м̄ философ̄ским̄ (Усп. сб. — Похв. Слово Кириллу и Мефодию).

Compositum здесь — своего рода определение, замкнутое в своей завершенности, как бы заключительное слово характеристики, вобравшей «в себя уже выявленные сравнением признаки» (Колесов 1989: 197, 195); обогащенное добавочными смыслами, оно равнозначно целой синтагме. Образованное сближением одинаково важных в высказывании корней, фактически это слово общего рода (гипероним), поскольку вбирает в себя со значения — семы 'свет, сияние, блеск', также 'светило, носитель света духовного; божественное начало' и 'заря; свет, сияние' компонентов *свѣт-* и *зар-* (Срезневский. Т. III. С. 295—297; Т. I. С. 945).

Эти семантические коннотации поддерживаются следующим материалом.

В греч. φωτεινός 'похожий на сияние, светящийся' обычно в сочетании с πνεύμα 'духовное начало, дух' или ὄψις 'явление, видение' (Дворецкий 1958: II, 1758, 1332, 1214).

В Амарт. для греч. φωτεινός эквивалентами являются *свѣтозарнь*, *свѣтообразнь*, *свѣтлообразнь*.

Важно также замечание В. В. Колесова о том, что «в древнерусских текстах часто встречается изображение бога как света (*светоносный, светозарный*), а верных ему людей — как отражающих этот свет (*златозарных*). Соответствующая традиция идет от „Жития Бориса и Глеба”» (Колесов 1979: 34). Ср. развернутый фрагмент — изъяснение Кирилла Туровского «о агельстѣм образѣ мнишьстѣм»: не небесных ангел се ест образ, ни бесплотных существо; они бо *свѣтообразни* существом невидими, не имуще мѣры качеству; но земных ангел, сирѣч преподобных муж законодавецъ, иже в ветсѣм и новѣм законѣ в телеснѣи чистотѣ богоугодно послужаща; таковии бо человекѣи ангели нарицаются (ТОДРЛ. Т. XII. 1956. С. 360), где возможно толкование *compositum* как 'несущий в себе бога (?)', 'осиянный божественным светом, божественной благодатью'

Экспрессивность таких *composita*-гиперонимов очевидна, но не является обязательной для всех сложений. Ср. своеобразный градационный ряд: *престоупникъ* — *пылица* — *студословьць* — *празнословьць* — *кощюньникъ* — *бесоурменинъ* в приведенном выше фрагменте из Сузд. лет., где стилистическая нейтрализация гиперонима *престоупникъ*, равно как и отмеченное уже «стирание» стилистической маркировки *composita* (*студословьць, празнословьць*), могут быть связаны с эксплицитным обогащением значения завершающего члена градационного ряда, что, в свою очередь, находит объяснение не только в связи «с развитием языковых форм, но и с общими представлениями культуры» (Колесов 1989: 168).

МЕДОТОЧЬНЫЙ. — прихожаше къ прѣдбѣнымъ наслажаа сѣ медоточьныхъ тѣхъ словесъ. иже исхожаахоу из оустъ оць тѣхъ. (Усп. сб. — Житие Феод. Печ.); тако хольбивый князь насышаше сѣ медоточьныхъ тѣхъ словесъ. иже исхожаахоу отъ оустъ прѣдбѣнаго оца нашего феодосиѣа (там же); и дховнаго того брашна насыщаа сѣ паче меду и съта. се же соуть слова блженаго иже исходаахоуть от медоточьныхъ оустъ тѣхъ (там же); класъ многоплоднъ. лоза медоточна. съти медвнни слова ваю. ими же насладиста всю вселеную. иако бисерь многоцѣннъ источиша. съкровици гни вмѣстилици бжиѣа съмотрениѣа. обитѣлици бжию съмотрению съсоуда стомоу дхоу избранаѣа (Усп. сб. — Похв. Слово Кириллу и Мефодию); всинавъ иако слнце. лоу-

чами притъчными и казанигемь. него же помышляющи медоточьнага словеса. нѣсть чѣмъ сласти него дховныѣа приложити... (там же); а слово гнѣ въсѣгаста нако и пшеницю. въ срѣчнѣмъ селѣ. и всѣа насладиста медоточьными словесы. трѣбзначальнаго же бжѣства. (там же); блгдть въсприати велиши медоточьными глы отриновены на далече неразоумигемь (Мин. 1096) (Срезневский. Т. II. С. 121).

Сложное слово *медоточьныи* в древнерусский период характеризуется разветвленной семантической структурой: 'источающий мед/сладость', но также 'источающий сладость духовную/божественную благодать', 'сладостный' и т. д.

Реализация этих сем *compositum медоточьныи* в древнерусских текстах осуществляется на основе экспликации основного значения лексемы — 'источающий мед' (там же), — всегда с учетом синкретично-многозначного ее характера, предполагающего трансформацию в сферу прямого и переносного значений.

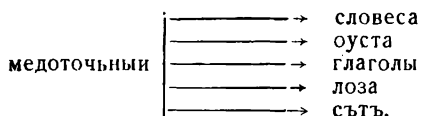
Многозначность славянского *compositum* в известной мере отражает богатые семантические потенции греческого эквивалента; в греческом языке гнездо слов с корнем *μέλι-* 'мед' представлено значительным числом образований, причем с репрезентацией как прямых, так и переносных значений. Ср.: *μελίτιον* 'напиток из меда'; *μελίτιος* 'приготовленный из меда, медовый'; *μελιτερπής* 'отрадный как мед, усладительный'; *μελίτινος* 'сладкий как мед'; *μελιτόεις* 'сладкий как мед', 'приготовленный на меду'; *μελιτόδης* 'подобный меду, медовый'; *μελιζθογγος* 'сладкогласный'; *μελίφρων* 'успокаивающий душу'; *μελίφωνος* 'сладкозвучный, певучий'; *μελιγρός* 'приготовленный с медом', 'пахнущий медом, медвяный', 'сладкогласный' (Дворецкий 1958: II, 1068).

В древнерусских текстах имеется набор словесных формул, где актуализируются различные семы многозначного *compositum* от реализующих вполне конкретные (материальные) ощущения, представления — 'содержащий мед, сладкий' (*лоза медоточьна, сътъ медвнъ/медоточьнъ*) до передающих отвлеченные (абстрактные) представления и понятия — 'источающий сладость, сладкий как мед', 'несущий сладость божественную, духовную благодать' (*медоточьные оуста, медоточьные глаголы*).

Смысловая перспектива в развитии структур, содержащих *compositum*, может быть передана следующим образом: *медъ — медоточьныи/медвнъныи сътъ, медоточьнага лоза* 'источающий сладость/мед' — *медоточьные оуста* 'источающие сладость духовную, т. е. изглашающие божественную благодать, божественное откровение' — *медоточьные словеса* — та самая 'божественная благодать, духовная сладость', которая исходит из *медоточьныхъ оустъ*.

Ключевое слово во всех фрагментах — *медоточьныи* — результат семантической конденсации; «приращение смысла» происходит за счет обогащения *compositum* семантикой составляю-

щих его компонентов. Но это не простое сложение сем, это и «экспликация признаков символа-слова (и следовательно, расширение содержания понятия)», происходящая «посредством постоянного семантического дробления ключевого слова. .» (Колесов 1989: 155):

Развитие речевых синтагм на основе ключевого слова — процесс творческий: семантическая компрессия в слове приводит одновременно к расширению текста (ср. градационный ряд компонентов — *сътъ*, *лоза*, *оуста*, *глаголы*, *слова* — в варьирующемся наборе синтагм).